

«ФИГАРО», ПАРИЖ.

1957 ГОД. 16-летний Пласидо Доминго играет на фортепиано в ночном кабаре «Тиволи». В перерыве между номерами стриптиза он зарабатывает себе на хлеб. Но посетители жаждут девушек, а не песен. А потому: «Замолчи!», «Тебя совсем не слышно!», «Пошел вон!» Вайрейт, 22 июля сего года. Тот же самый Доминго, правда, уже пятидесяти двух лет, поет в оперном театре партию Парсифаля. Он выходит из огромного лимузина и улыбаясь проходит в знаменитый концертный зал Фестшпильхауз. «Из «Тиволи» в храм Вагнера. У меня необычная судьба. Вы не находите?».

«ПРОСТО ТЕНОР», НО ПЕРВЫЙ

В ТРИДЦАТЬ ЛЕТ Доминго стал королем среди теноров, Дон Жуаном — покорителем неприступных вокальных высот. Он получает четыреста тысяч франков за выступление, все оперные театры мира наперебой спешат при-

В гримерной.

За Кубексом. — 1993. — 8-14 окт. (№ 41). — С. 22. Фото «Ньюсуик», Нью-Йорк.

Пласидо Доминго: ПЕВЕЦ, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ СПЕТЬ ВСЕ

гласить его к себе. Певец имеет контракты на три года вперед. Семьдесят раз в сезон он выступает на сцене, не считая работы в студиях звукозаписи. «Не более...» — говорит Доминго. Им спето более ста оперных партий, сорок из них он помнит наизусть. Мало кто из теноров имеет столь богатый репертуар. Пласидо исполнял партии Отелло, Андре Шенье, Дона Альваро, Дона Хозе, Каварадоси, Гофмана, Манрико, Альфреда, Рудольфа, Туридду. «Я просто тенор...», — говорит он.

Другими словами — голос. Доминго, подобно Джанни Раймонди, «родился» баритоном. Однако, в то время как голос итальянца понизился до баса-баритона, голос испанца достиг пронзительных высот. «Голос, возможно, не обладающий естественным очарованием голоса Паваротти в пору расцвета, но тем не менее гибкий, мягкий и пластичный», — считает один из музыкальных критиков.

Мужественный и цельный голос, тембр которого подобен клинку кинжала на солнце, полный царственно-го сияния в любом регистре.

он в большей степени принадлежит к разряду симпатичных мужчин, чем кто-либо из его коллег. Подобно многим великим музыкантам, он именует себя «простым посланцем мира».

Итак, этот человек представляется нам весьма любезным и простым, что придает публикуемому о нем в газетах всего мира статьям единообразие с оттенком банальности. Легенда сработана добротно, она совершенно безукоризненна, что делает ее почти дозированной. Кем же в действительности является господин Доминго, ставший «первым» тенором своего времени?

Это нелегко разгадать. Пласидо Доминго не любит раскрывать свою душу. Обычно он односложно изъясняется как на родном испанском, так и на английском, французском или итальянском языках. Певец уходит от вопросов, носящих личный характер,

Пласидо извлек из этого урок: «В жизни можно ошибиться. Надо все забыть, если сможешь...»

С МУЗЫКОЙ К ЗВЕЗДАМ

ИТАК, да здравствует работа! В семье Доминго все были певцами, как бы по наследству. Родители Пласидо блистали в сарсуэле, испанской оперетте. То была превосходная школа вокала, в которой дебютировала также и Тереса Берганса. Поначалу, правда, Пласидо мечтал, как и все соседские ребята, стать футболистом или тореадором. Но несколько столкновений с коровами в детстве разубедили его в этом. Детство мальчика в Мадриде и на Кубе, в Пуэрто-Рико и Мексике было заполнено музыкой. Его, наверное, можно охарактеризовать словами Бодлера, которые сейчас охотно цитирует Доминго: «Музыкой заполнено все до самых небес».

Она и будет вести его к звездам.

Пласидо выиграл свой первый вокальный конкурс в возрасте девяти лет. Потом настало время ученичества, упорного овладения мастерством в Национальном оперном театре Мехико, в труппу которого, прослушиваясь в качестве баритона, он был принят тенором. Доминго поражен и обеспокоен.

Почти десять лет он не сможет поверить в это, а потому будет говорить о своем призвании дирижера. Он, кстати, и будет много дирижировать, причем повсюду, словно его карьера тенора держится на тоненькой ниточке и ему требуется более прочная опора.

Несмотря на талант, Доминго придется приложить огромные усилия, чтобы достичь совершенства. Помогал ему в этом баритон Карло Морелли. «Он говорил мне о стремлении к успеху, о воле», — вспоминает Доминго. — Однажды мой учитель пропел мне арию Андре Шенье, взяв верхнее си. И тут я сказал себе: если он может, то и я должен суметь».

Затем появилась Марта, самое талантливое сопрано Мехико, которая ради Доминго пожертвовала карьерой певицы. «У нее было дивной красоты сопрано, к тому же она обладала универсальным вкусом», — говорит Пласидо. Огненные глаза Марты будут его глазами. Она следует за ним в Тель-Авив, в Национальный еврейский оперный театр, где она будет работать.

Три года спустя его ожидает Нью-Йорк: певец принят Руделем в труппу «Метрополитен-опера». Он все еще воплощает собой хрупкую надежду. Его голос уже установился и обладает присущими ему чувственностью и теплотой, силой и глубиной. Но ему все же с трудом дается исполнение высоких нот. «Тенор от рождения только открывает рот, и верхние ноты вылетают как бы сами собой. Со мной дело обстоит иначе. Я должен был очень много работать, чтобы достичь верхней тесситуры», — доверительно сообщает Доминго. Такие же трудности он испытывал и с певчим вполголоса. Но именно в этом певец

полностью раскрывает себя. С помощью Марты он непрерывно совершенствуется и быстро становится популярным тенором.

Дирижеры обожают его. Он полностью подчиняется их воле и даже капризам: «Караэн требовал, чтобы Доминго был на репетиции ровно в 9 часов утра. И тот являлся, как мальчишка», — вспоминает один из критиков. Левин, Солти, Клейбер, Аббадо, Баренбойм высоко ценят его музыкальную культуру, что уже позволяет ему являться на репетиции в последний момент. Режиссеры поражаются, открывая в нем послушного и любопытного актера, жаждущего воплотить образ, который он зачастую понимает лучше, чем они сами. Его партнеры по жестокому и замкнутому миру музыки считают его, подобно сопрано Кири Те Канава, прекрасным человеком.

Лишенный капризов, бросающихся в глаза недостатков, не имеющий врагов, Доминго тем не менее властный человек. Он любит царствовать. Человек, осененный благодатью? Тайна! «Каждый день я не перестаю удивляться тому, что живу в полном красоте и музыки мире. Это так чудесно!» — восклицает Доминго. С годами его голос не только сохранил силу и красоту, но и приобрел новые краски. «Я сохраняю здоровье за счет постоянного расширения репертуара», — утверждает певец.

За четверть века баритон сумел победить мучившее его беспокойство. «Опыт утешает меня. Моя карьера нравится мне все больше, — говорит он просто. — Я могу заниматься музыкой и только музыкой. Это все, что я умею делать. В этом моя жизнь».

ДРАГОЦЕННОСТИ ДЛЯ МАРТЫ

ВПОЛНЕ естественно, что Пласидо Доминго превратился в человека, стремящегося к совершенству, влюбленного в свою работу. И, подобно Лучано Паваротти, в звезду планетарного масштаба, в символ и одновременно торговую марку.

Певец не чурается и рекламы. Например, участвовал в рекламном ролике часов. Фирма «Немецкий граммофон» выпускает сейчас диск «Крупнейшие успехи Пласидо Доминго». А как насчет сбережений на черный день? «Деньги? Я не представляю, сколько долго буду еще петь!» — отвечает Доминго, вкладывающий гонорары в драгоценные камни во всех странах, где ему приходится выступать. «Это, правда, удобно, — подтверждает он. — Деньги позволяют мне иногда арендовать самолет, если я чувствую себя слишком усталым». Однако певец принципиально отказывается останавливаться во дворцах, отличающихся дурным вкусом, как это делают другие известные теноры.

Доминго присущи элегантность и уважение к своей публике. После одного из концертов певец пропел целую арию для поклонника, попросившего у него автограф. Он никогда не отказывается от выступления и для 25 тысяч слушателей. Или от кино-съемок, например, «Травиата» Дэсферелли или «Кармен» Розе. Доминго утверждает: «Мой долг сделать оперу доступной широкой публике». Таким образом, он один из немногих теноров, использующий для популяризации оперы большинство существующих видов средств массовой коммуникации.

Если его что-нибудь ошеломят, он может внезапно все бросить. Когда в 1985 году землетрясение разрушило Мехико, он моментально оказался на развалинах Тлателолькло, где Нэнси Рейган распеловала его. Потом в течение целого года он давал концерты в пользу жертв землетрясения, собрав для них девять миллионов долларов. А ведь об этом его никто не просил. «Мавр» обладает щедрым, мужественным сердцем, и его поступки под стать его великодушью. «Мне покровительствует небо, которое ведет меня вперед», — утверждает он.

Когда речь заходит о молитвах и тайных заклинаньях, совершаемых им перед выходом на сцену. Доминго со смехом отвечает: «Нет, они никогда не менялись!» За полчаса до подъема занавеса после вокальных упражнений он нервно вынагивает по своей артистической уборной, молчаливый и напряженный, в гриме и сценическом костюме. Раздается звонок. Пласидо погружается в себя, соединяя руки для молитвы. Он молится святой Цецилии, покровительнице музыкантов, и святому Блазу, покровителю певцов: «Господи! Сделай так, чтобы мой голос выдержал!» Сейчас он уже принадлежит музыке. Священнодействие начинается. Тысячи зрителей вкушают благодать.

Певец в кругу семьи.

Фото «Ньюсуик», Нью-Йорк.

За исключением опер современных композиторов («Они пишут не для голоса», — говорит он презрительно) Доминго с одинаковым мастерством владеет и лирическим, и драматическим репертуаром. «Ты должен уметь придавать голосу различные оттенки», — поясняет он, — подобно художнику, размешивающему краски. Ты не можешь без конца петь одним и тем же голосом или форсировать его, если не обладаешь драматическим тембром, заставляющим зал рукоплескать».

Голос Доминго, напоминающий начищенную бронзу, одновременно мужественный и нежный, ставит его в один ряд с такими великими певцами, как Карузо, Ян Решеке, Джильда... Доминго в большей мере, чем кто-либо другой, обладает всеми качествами для певческой карьеры. Его музыкальная культура, физические данные, удивительная память и артистизм ставят его над Каррерасом и Паваротти. Доминго, как говорится, «поет сердцем», а публика не ошибается на этот счет.

Певец убедительно опровергает давно сложившееся представление — «маленький и голый, как тенор». Более того: «глухой, как тенор». Темноволосый, среднего роста, немного сутулый, следящий за своей фигурой,

и ошеломляет вас рассказом о готовящихся ролях. Вы, не задумываясь, быстро записываете названия столиц и опер (этот перечень всегда впечатляет). Сидящая рядом женщина, прищипываясь к разговор, что-то чертит в блокноте. На ней большие очки, шляпа — обманчивая внешность сдержанного человека.

По мимолетным взглядам, которые Пласидо бросает на свою супругу Марту, становится очевидным, что именно она является душой великого артиста, залогом его силы, спокойствия, душевного равновесия. «Вначале в моей жизни главенствовали родители», — рассказывает она, — а потом Марта. С ней я ежедневно чему-нибудь учусь». Пласидо и Марта никогда не расстаются. В этом состоит их первая тайна. Для этих двух людей любить — значит помогать друг другу.

Роль Дон Жуана никогда не значилась в репертуаре Пласидо. И в молодости «опьянение страстью» не приносило ему явной удачи. Закрывая эту тему, скажем, что любовь заставила его бросить консерваторию в 16 лет, когда он в первый раз женился. «Она была одной из моих соучениц по классу фортепиано. Мы думали, что это истинная любовь». Все завершилось разводом. Будучи прагматич-